

явно заметно различие, которое отделяет аналитические суждения, полученные путем развития концептов с помощью пер-вопринципа, от суждений, основанных на констатации отношений, фактически данных в чувственном опыте. То, что эти два вида суждений имеют различную природу и различную степень достоверности, эмпиристы XIV века видели так же хорошо, как это увидит Юм, и они неустанно доказывали до него, что, поскольку отношения причинности не сводимы к очевидности первопринципа, выражающие их суждения не могут считаться абсолютно очевидными. Их называли скептиками — и это определение не лишено оснований, если сравнить их доктрину с учением о реализме причин, который предлагает томистская метафизика, но, как бы то ни было, понимаемое таким образом эмпирическое познание было достаточным для оккамистов XIV века. Если речь шла о том, чтобы познать Бога, и о том, что трансцендирует чувственный опыт, то у них было Откровение и они не желали ничего большего; если же речь шла о познании того, что открывается в чувственном опыте, то как мог этот опыт быть не компетентен в своей собственной области? Эти эмпиристы, как и теологи, хорошо знали, что Бог может в любой момент вмешаться в состояние и развитие природы и, следовательно, опыт не дает абсолютной очевидности и не является га-

рантией от сверхприродного, даже если он основан только на применении первопринципа; но остается по крайней мере естественная очевидность, которой достаточно для естественных наук. «Sufficit naturalis evidentia in scientia naturali»*, — говорил Альберт Саксонский и добавлял, что те, для которых естественной очевидности недостаточно, не созданы для философии («Unde cui non sufficeret evidentia naturalis, non est aptus ad philosophandum»). Поэтому оккамизм развивал свои выводы по двум направлениям. Он благоприятствовал зарождению скептической критики метафизики или усиливал эту критику там, где она уже существовала, готовя тем самым подлинный пирронизм**, который будет развиваться в течение двух последующих веков; и он также способствовал началу подлинно научного изучения природы, свободного от произвольных предположений метафизики, которое стало считать себя наукой и сформулировало — в физике и астрономии — некоторые гипотезы, подтвердившиеся в XVI и XVII веках.

ЛИТЕРАТУРА

Жан Жерсон: Opera omnia. Antwerpen, 1706, v. 1—4; Schwab J. B. Johannes Gerson. Wtirzburg, 1858; Stelzenberger J. Die Mystik des Johannes Gerson. Breslau, 1928; Connolly J. L. John Gerson, Reformer und Mystic. Louvain, 1928; Combes A. Jean Gerson commentateur dionysien. P., 1940 (в «Заключении» этой книги помещено превосходное введение в идеи Жерсона: «Conclusion», p. 421—472).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

у.|.: | :.:||.- ||||: ||||: |||| |.-

Возвращение светской литературы и итоги философии

средних веков

XIV столетие было плодотворной эпохой не только в области философии и теологии «высокого стиля» — оно освободило из ссылки изящную словесность, в которой та находилась с конца XII века, готовя тем самым интеллектуальный переворот, который заполнил два последующих столетия. Это движение, зародившееся в Италии, вскоре распространилось по всем интеллектуальным центрам Запада — быть может, имея значение не столько само по себе, сколько как стимул пробуждения очень древних